

18+

Ольга Неподоба

Душа января

Ольга Неподоба

Душа января

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50284304

ISBN 9785449815644

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга «Душа января» состоит из повести «Успеть до темноты» и нескольких рассказов. В каждом произведении присутствуют животные. Но это книга не о животных, в прямом смысле. Это книга о том, как они помогают человеку осознать важные моменты его жизни, быть добрее к окружающим, принимать правильные решения в человеческих взаимоотношениях. Повесть «Успеть до темноты» посвящена теме любви и нравственного возрождения героя. Рассказы основаны на реальных событиях.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
УСПЕТЬ ДО ТЕМНОТЫ	8
маленькая повесть	8
Якорь	9
Безусловность	17
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Душа января

Ольга Неподоба

© Ольга Неподоба, 2020

ISBN 978-5-4498-1564-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

В повести «Успеть до темноты» и в каждом из рассказов присутствуют животные. Но это книга не о животных, в прямом смысле. Это книга о том, как они помогают человеку осознать важные события в его жизни, быть добрее к окружающим, принимать правильные решения в человеческих взаимоотношениях. Со слов Ольги, всё, о чём написано – реальные события, действительно имевшие место в жизни и довольно известные в кругу её друзей. Полагая, что пришло время рассказать о них своим читателям, она и решила издать свою новую книгу.

Повесть посвящена теме любви и нравственного возрождения героя. Пройдя через осознание своих ошибок, он сохраняет любовь и семью и признаётся, что если рядом любящие сердца, то они не допустят страшной болезни – хронической потери чувств. Личные переживания героя иногда приводят к размышлениям о причинах появления в современном обществе равнодушия, а порой и жестокости по отношению к социально незащищенным людям.

В рассказе «Душа января» раскрываются проблемы сострадания: «Зачем нужна в этом мире душа, которая не способна сострадать? Нельзя позволять себе отворачиваться от чужой беды, какой бы малой она не казалась. Один раз ты махнешь рукой на растение, например, другой раз – на соба-

ку, а потом – и на человека. Жестокость и бессердечие проникают в нас маленькими шагами».

В рассказе «Собака с именем вершины» говорится о том, как по прихоти девушки погибла собака, которую поместили в неестественные городские условия. «Эти кавказские овчарки, что по улицам на поводочках с хозяевами прогуливаются, они из поколения в поколение в городах жили, они уже генетически адаптировались и характер у них помягче! Хотя все равно серьёзные псы... Никто в своём рассудке не тащит себе в квартиру кавказскую овчарку прямо с гор, с пастбища... Ей скот надо охранять, по горам бегать, а не на диване валяться...».

В рассказе «Мистер Сыр» горный спасатель спешит забрать домой прирученную им за лето обыкновенную мышь, жаль только, что не успел...

В рассказе «Отражаясь в небесах» тоже говорится о гуманном отношении человека к животным, а еще описывается удивительное явление, называемое «призрак Броккена», когда человек, стоящий на холме или горе, за спиной которого восходит или заходит солнце, обнаруживает, что его тень, упавшая на облака, становится неправдоподобно огромной. Это происходит из-за того, что мельчайшие капли тумана особым образом преломляют и отражают солнечный свет: «И в этот момент как будто бы сам Эльбрус решил вознаградить Руслана за мужество, за долгие труды, за самозабвенное служение своей мечте и за единственно правильное че-

ловеческое решение... Руслан поднял голову и с потрясением увидел, что прямо по облакам шагают они с конем, окруженные призрачным радужным сиянием. Преломление света в мельчайших капельках тумана крайне редко и только в горных районах создает подобное завораживающее явление. Так и шли они вниз, спиной к мечте, лицом к жизни, отражаясь в небесах... Таким вот чудесным образом проводил седой великан Эльбрус отважного и преданного мечте ЧЕЛОВЕКА».

Подлинной любовью к окружающим и верному сенбернару Тому проникнуты страницы рассказа «На мгновение закрытые глаза», в нем доброжелательно и с юмором описаны картинки из тяжелых 90-х годов прошлого века.

В «Сказке о студенте Ванечке, его коте и очередной победе добра над злом» автор высказывает свою гражданскую позицию о том, что сегодня назрела проблема восстановления нравственных ценностей, очищения общества от невежества и бескультурья. Хотя, конечно, не только в этой сказке – об этом в каждом из других произведений автора.

Л. Григорьева, издатель.

УСПЕТЬ ДО ТЕМНОТЫ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

*«Что бы ни случилось ЗАВТРА, у нас всегда
остается СЕГОДНЯ для того, чтобы попытаться
это изменить...»*

Д. Е. Солодкий

Якорь

*«А, может, первой сединой так полоснуло по глазам,
что я гляжу за горизонт и ничего не вижу там...»*

Я всю жизнь был уверен, что мысли о самоубийстве – просто пустые думы, когда ты прекрасно знаешь, что ничего такого не сотворишь, но они назойливо всплывают в ошалевшем сознании – свойственны исключительно истеричным подросткам и повышенно чувствительным дамочкам.

Я всю жизнь полагал, что подобные саморазрушительные идеи возникают бурно и пафосно, на фоне каких-то невыносимых душевных терзаний, при высоком накале кипящих внутренних противоречий и так далее... Но... они вдруг зародились у меня, абсолютно на ровном месте, а я далеко не был ни подростком, ни дамочкой. Причем завелись эти помыслы как мелкие уродливые насекомые и тихенько, кисленько, вяло привнесли ощущение унылого отвращения к самому себе. Отчего было еще более гадко.

Ничего у меня, вроде бы, не происходило такого из ряда вон выходящего. Обычная жизнь обычного человека.

Со второй женой мы жили уже пять лет. Знал я ее давно, встречались в общей компании, а потом как-то так... сложилось, и я вновь оказался женатым человеком. Жили мы хорошо, ссорились нечасто, она была именно из тех женщин,

про которых говорят – «то, что надо». Хороша собой, отличная хозяйка, не ветрена, умна, образованна, уравновешенна, наверняка в будущем отличная мать и все остальное, что подразумевают, когда говорят о тех женщинах, которых ставят другим в пример. Короче говоря, достался мне натуральный бриллиант, воплощенная мечта, так сказать, практически... Мда...

Мой первый опыт семейной жизни был переполнен сценами и скандалами, жуткими душераздирающими драмами по малейшему поводу и без, причем эта бешеная энергия исходила от нас обоих, как будто мы были рождены специально для того, чтобы однажды встретиться и изничтожить, спалить друг друга дотла.

Мы изводили друг друга ревностью и придирками, мы не прощали друг другу ни малейшей, даже воображаемой, провинности, мы были готовы зубами разорвать путы, которые нас связывали, но... При этом прекрасно понимали – на самом деле то, что связывало нас, было сильнее здравого смысла, сильнее чувства самосохранения, сильнее чужих мнений и собственных взглядов на жизнь.

Это не могло хорошо закончиться, оно и не закончилось хорошо. Развелись, расстались, разошлись... Нет, ни одно из этих слов не отражает смысла того, что произошло с нами. Мы с мясом и кровью оторвались друг от друга, израненные до полусмерти, а потом удивленно оглядывали пустыню, которая досталась каждому из нас. Что-то доказывали, каждый

не хотел оказаться слабее, каждый хотел ударить побольнее, и все это понесло нас в ад, и никто из нас не сумел вовремя остановиться...

Так случается. К сожалению.

Потом было одиночество, приукрашенное внешним комфортом и глубоким внутренним безразличием. Как будто моя душа холодно и отстраненно наблюдала за бесцельным течением жизни ее пустой оболочки. Приходил новый день, и я старательно пытался прожить его, добить побыстрее, заполнить какими-то ненужными сущностями, что-то делать, как-то быть, но одновременно понимал, что все это потеряло всякий смысл. Когда мы были вместе, у нас была вечность. А теперь она... кончилась.

Поэтому... Первое время с новой женой я ощущал счастливую благодать спокойствия. Боже мой, она была надежна как королевская гвардия, спокойна и мудра как индейский вождь. Она многое прощала, она сводила на юмор мои попытки агрессии, она была близка к совершенству, честное слово. Я ощущал, какое это наслаждение, когда ты точно знаешь, что будет через минуту, через час, через год, а не живешь на пороховой бочке, готовой взорваться от любой мелочи типа «ты невнимательно смотришь кино, которое я хотела тебе показать, поэтому ты ни во что не ставишь мой богатый внутренний мир...». А далее скандал на полночи, слезы, обиды... примирения.

Мы хорошо жили с новой женой.

Но однажды я начал чувствовать, что состояние, «когда ты точно знаешь, что будет через минуту, через час, через год» – начало меня откровенно пугать. Наши дни походили один на один. Со временем мы практически перестали разговаривать о чем-то, кроме бытовых мелочей, потом... мы начали ссориться. Причем, я отчетливо понимал, что нарочно провоцирую ее на ссоры, нарочно все делаю назло, потому как только когда мы ругались, в наших отношениях появлялась хоть какая-то жизнь! Хоть какой-то живой нерв, хоть что-то... Не скучное. Похожее на настоящее.

Мы ругались, но как-то мудро и уравновешенно, мы оба вовремя останавливались, чтоб не зайти за черту, мы все-таки старались друг друга не обижать всерьез. Поэтому наши ссоры протекали куда более безопасно, но и примирения не были... такими сладкими.

С каждым унылым днем, с каждым пресным и эмоционально скудным конфликтом становилось все более и более ясно – я никуда не уйду от нее. И это не вызывало никаких сомнений. За время после развода, да и за эти пять лет новой семейной жизни, я полноценно усвоил – для меня одиночество страшнее всего, я боюсь одиночества. А искать кого-то еще я не стану, потому как прекрасно знаю, что даже если я поменяю хоть десять жен, никто и ничто не заменит той бешеной энергии ушедших дней, когда рядом была та, с которой мы так яростно делили пополам мир и вселенную... С которой рвали друг друга на куски... С которой мы были

так счастливы!

Или просто молоды... Или просто молоды...

Так подошло время осознания какой-то неминуемой обреченности, и у меня стали появляться мысли о самоубийстве. Я еще раз хочу повторить – я действительно ничего не собирался с собой проделывать... эдакого. Мои мысли были словно тихие и уродливые мечты незадачливого школьника о том, как будут рыдать над его могилкой учителька-обидчица и отличница-задавака. Эти убогие думы не захватывали меня, не были навязчивы, они просто приходили иногда, как приходит попрошайка к закрытой двери, и робко стучались в мой разум, даже не ожидая ответа.

Уйти, исчезнуть, раствориться... Исчезнуть, чтоб не было ни больно, ни одиноко, чтоб лучше не было никак, чем ТАК ХОРОШО, как мы жили.

Теперь ближе к сути моего повествования...

Уже третий год у нас жила кошка. Простая беспородная кошка, правда, необыкновенной пуховой красы, обладательница поразительно огромных глаз и многогранно стервозного характера.

Кошки мне всегда нравились больше, чем собаки – собаки преданны человеку по определению, они будут обожать хозяина только за факт его существования. Мне всегда это казалось скучным – преданность как данность. Впрочем, как и в человеческих отношениях. Кошки мне были как-то ближе по духу, с ними не просто, они сложнее и интереснее, их

чувства еще надо заработать! Кошка не будет любить только потому, что кто-то рядом и кормит ее. Должно произойти что-то необыкновенное, какая-то особая магия, чтобы однажды этот своенравный комок шерсти с хвостом стал нуждаться в тебе, но не как в источнике корма и тепла, а как в необходимом элементе своего существования. А когда это происходит, то и сама «пушистая душа» становится немножко иной – не «просто животным», которому от людей нужна еда, тепло, кров, да чтоб погладили иногда для разнообразия, а созданием более осмысленным. Я не знаю, как это назвать, «очеловеченным» существом, что-ли, которому нужно нечто большее, что находится уже за гранью «животной сути». У них, «измененных», есть свой, особый характер, им важнее всего общение и внимание, присутствие рядом со своим... кем? Какое слово тут можно применить? Хозяином? Да как-то не отражает это слово смысла той жизненно важной привязанности, которую испытывают некоторые животные к некоторым людям. Поэтому, наверное, правильно будет сказать так: «Им важно присутствие рядом своего ЧЕЛОВЕКА». Единственного человека, в котором так нуждаются, без которого отчаянно скучают. И никакие миска и подстилка никогда не заменят им того, кого они любят.

На самом деле, такие животные глубоко несчастные создания. Они оторвались от своей природной сущности. И если простому, обычному домашнему любимцу в случае чего можно найти других хозяев и пристроить в добрые ру-

ки, то такие несчастные, как моя кошка – погибнут от тоски. Их не спасут никакие «добрые руки» – кроме единственных в мире рук «своего человека».

И вот к чему было это долгое предисловие. Когда однажды вечером я мужественно выдерживал очередной натиск унылых самоуничтожительных мыслей, мой взгляд случайно упал на дремавшую рядом кошку, и я вдруг четко и ясно понял одну простейшую, но спасительную мысль... А если я сдохну, как она будет без меня? Моя женушка, конечно, не выкинет ее на улицу, она даст ей поест и так далее, но кошке нужен я, нужна моя любовь и мое присутствие. Она нуждается во мне. Я понял, что на свете есть существо, которому я действительно нужен. И никаких самоубийств, даже мыслей об этом у меня больше не будет. По крайней мере... пока жива моя кошка.

Глупо? Нет.

Кошка, маленькая серая пушистая кошка, оказалась для меня якорем, который навечно пригвоздил меня к здоровой почве. Не в кошке дело... А дело в том, что я осознал: по-настоящему мы любим только тогда, когда понимаем, что не можем бросить, не можем уйти, даже если собираемся в могилу. Я окончательно пришел к выводу, что не люблю свою жену, потому что у меня не было даже мыслей о ней, когда я думал о самоубийстве. Я как-то ни на миг не сомневался, что ничего с ней не случится, немного погорюет и устроится в жизни. И самое страшное – мне было абсолютно все

равно, что будет с ней, если меня не станет. Я понял, что она значит для меня меньше, чем... кошка!

И мне стало плохо... Мне стало так стыдно и так жутко, что у меня заболела голова, словно в нее всадили лом. С размаху. Господи, ведь эта женщина ничего не сделала мне плохого, она хорошая, она отличная! Зачем я так жестоко и эгоистично связал с ней свою жизнь, хотя ведь прекрасно знал, что... прошлое не отпустило меня и я продолжаю любить ту, которую отрывал с кровью... Какое я имел право пользоваться живым человеком как примочкой для своих душевных ран?! Я полагал, что попробую быть счастливым, а вдруг получится... Какое я имел право ставить над ней свои провальные душевные эксперименты?!

Горло сдавил спазм, я что-то пробормотал, прокашлялся и сказал, что хочу сходить купить пива...

Я вышел на улицу, глотал холодный ветер, стискивая зубы, и если бы я мог, я бы плакал, плакал и плакал... Я бы разбил себе голову о стену... Но я не мог. Ведь у меня же была она... моя кошка!

Безусловность

Только совсем недавно я сделал для себя важное открытие – я понял, с изумлением осознал, что на самом деле самый настоящий и разрушительный вред моей душе, моей личности нанесли вовсе не те люди, которые по всяким причинам не любили меня и совершали разнообразные вредоносные поступки по отношению ко мне.

Нет, это вовсе не моя бывшая начальница, зловещая ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ БАБА, именно БАБА, а не молодая женщина, и такой вполне не старый возраст только усугублял ее убогий психический портрет. Да, она выжила меня с необременительной и денежной работы, чуть не подвела под суд, доставив мне около четырех месяцев полуголодного существования и унижений, но... В результате я получил незаменимый жизненный опыт, я окреп, я занялся совершенно другим делом, в котором нашел себя. И, по прошествии времени, я бесконечно благодарен ей за то, что она вытолкнула меня с тепленького насиженного места и заставила искать новое, чего бы я самостоятельно не сделал, видимо, никогда.

Нет, не причинили мне зла и другие подобного рода люди, в результате злонамеренных козней которых я так или иначе становился умнее, сильнее, а моя жизнь оживала оглушительным разнообразием и новыми яркими красками.

А **НАСТОЯЩЕЕ**, реальное зло, которое подточило мою душевную основу, сделано было совсем иначе... И понимание этого пришло буквально сегодня, когда я ждал гостей – семейную пару, с которой меня связывали давние приятельские отношения. Жена пребывала в командировке, я спокойно наводил порядок в комнате и внезапно почувствовал, до какой крайней степени мне неприятна сама мысль о гостях в моем доме!!!

«Вот те на, – подумал я и даже прекратил на мгновение уныло протирать стаканы, – что же это такое, они прекрасные люди, мы давно не виделись, я чудесно к ним отношусь, но мне очень не хочется встречать их **ИМЕННО В МОЕМ ДОМЕ**». Я сел покурить и подумать – я всегда стараюсь фиксировать и разбирать подобные мысленные озарения. И вот, выкуривая сигарету, я понял всё о «душевном вреде».

Истинный вред, собственно, в тот момент и не замеченный, мне нанесла одна молодая родственница. В конце четвертого десятка лет моей наивной в этом смысле жизни она открыла невиданную мне доселе тайну. Оказывается, существуют в этом мире люди, которые, поприсутствовав в гостях, поболтав милейшим образом, выпив кофейку, потом отправляются к себе домой, к родителям, подругам, знакомым и в подробностях рассказывают там о том, какие такие беспорядки поразили их деликатную психику в твоей квартире. Насколько ухожена твоя плита на кухне, достаточно ли свежо посудное полотенце, блещут ли стаканы девственной

чистотой, давно ли выметался мусор под письменным столом. И какая, оказывается, неряшливая хрюшка всё это время прячется под личиной моей образцово-показательной жены!

Клянусь! Дожив почти до сорока лет, я даже не представлял, что такого рода люди существуют в реальности – и при этом они внешне милы, обаятельны, образованны, по собственному мнению интеллигентны и считают себя великолепно воспитанными...

Тогда я быстро забыл неприятный инцидент, но в моей душе произошли необратимые, разрушительные изменения... Я как-то автоматически, безотчетно стал реже звать к себе друзей, стараясь встречаться исключительно в кафе или на их территории. И вот сейчас, ожидая в гости этих хороших и интересных мне людей, я подсознательно шарю глазами по своей комнате, испытываю страх и напряжение от мысли, что после их посещения половина наших общих знакомых будет подробно осведомлена о том, сколько пыли у нас на полках, насколько чист кафель в ванной и как давно мылись стекла в стареньких рамах на окне...

Мои друзья, которые вот-вот должны были появиться на пороге, никогда бы не поступили таким непотребным образом. Но вред, нанесенный мне ранее, все равно проявился! Я априорно ожидал от нормальных, приличных людей поведения, не совместимого ни со здравым смыслом, ни с элементарной этикой. Черным вороньим гнездом в моей душе

обосновалась гнилая мелочная подозрительность. Моя личность единомоментно потеряла какие-то очень ценные качества благодаря той молоденькой обаятельной родственнице, поселившей во мне зерна недоверия к людям.

И вся картина, открывшаяся моему взгляду в себя, вызвала горькую, кривую усмешку... Враги – это не те, кто чинят нам препятствия и строят козни, враги – это те, кто, даже считая себя другом и даже по великой любви, делают нас в результате немножечко хуже... злее... подозрительнее... циничнее... холоднее душой...

Моя жена... Моя вторая жена много чего сделала для того, чтобы росли и множились опасные червоточины в моем сознании. Она научила меня врать и жить с удовольствием в этом постоянном вранье. Она не хотела ничего плохого, но с ней нельзя было быть самим собой, таким, каков я есть – она назойливо воспитывала и «исправляла» меня. Когда эта ничем не прикрытая дрессура мне окончательно опостылела, я начал притворяться в угоду ей другим человеком, изображал «исправление», но перестал быть с ней откровенным. А со временем эта маска прилипла, и я стал даже забывать, кто я есть, считая себя на самом деле рассудительным и положительным человеком средних лет, не имеющим особых интересов, кроме работы и домашних дел, не рвущимся к каким-либо высотам и получающим удовольствие от существующего состояния обманчивого покоя.

Мои острые углы притупились, «зубы» сточились, я сам

перестал ждать от себя тех внезапных скандальных выходов, от которых ранее лихорадило и мою жизнь, и жизнь всех окружающих. Да, я, бесспорно, стал куда более удобным для совместного бытия, но одновременно скучным, придирчивым, мелочным и довольно склочным типом, неприятным даже самому себе. Жить не своей жизнью, притворяться, изображать из себя кого-то, кем ты не являешься, даже ради сохранения отношений – это никогда не проходит бесследно, это опасная болезнь. Она ломает и разрушает личность. Расщепляет живую цельную душу на мелкие кусочки, которые со временем высыхают и начинают неуклонно, один за другим, рассыпаться в прах...

И это еще не все.

Моя вторая жена дала мне впечатляющие уроки, которые я в своем витиеватом стиле назвал «способность первоочередного предположения негативных сценариев в любой жизненной ситуации». Попробую объяснить. Например, идет разговор по телефону в несколько конфликтных тонах и вдруг резко обрывается на весьма накаленной ноте. Противоположная сторона не перезванивает. Ранее, по природному свойству своей душевной организации, я бы предположил, что у собеседника просто закончились деньги на телефоне. И нужно перезвонить, чтобы как минимум выяснить – не попал ли человек под трамвай в разгар нашего спора? Длительное общение с моей супругой кардинально поменяло направление моих мыслей. Теперь я предполагаю, что ес-

ли разговор оборвался, то, видимо, каким-то непонятным образом мне удалось глубоко и унижительно оскорбить собеседника, за этим обязательно последуют неприятные объяснения, а, может, даже скандал.

И вот так, потихоньку и незаметно для самого себя, я начал усматривать самые нелицеприятные мотивы во вполне благовидных человеческих поступках. Что бы не происходило вокруг, я видел только завуалированные корыстные расчеты и глубоко закопанный эгоизм.

Товарищ трогательно заботится о своей неблизкой пожилой родственнице... «Конечно! (циничная ухмылка с моей стороны) – если бы я подумал, что о наследстве печется, был бы пошлым обывателем, но прекрасно понимаю, что дело не в этом – душевная „забота“ о бабушке придает его бездарной жизни хоть какую-то осмысленность! Так бы жил, как насекомое, а ТУТ ПОСТОЯННО СОВЕРШАЕТ ДОБРЫЕ ПОСТУПКИ! Ну, круто же, круто, есть повод собой гордиться...».

Жена понесла свои ненужные шмотки каким-то нуждающимся. «Конечно! (сочувственная ухмылка ей вслед) – выкинуть жаль то барахло, что на распродажах нахапала, не надевала даже ни разу... А тут еще и вроде на доброе дело пошло!». Так и представляю, как она пафосно говорит себе: «Ну да, я набрала ненужных вещей, но вот в результате они помогут какому-нибудь человеку!». Есть повод собой гордиться...

Знакомая после семи лет брака развелась с мужем, бездельником и пьяницей, вышла замуж за умницу, трезвенника, трудягу... Не прожила с ним и года. Почему? Всепонимающая ухмылка: «Потому что на фоне пьяницы и бездельника так легко чувствовать себя сущим ангелом и ощущать свое безмерное превосходство. И как приятно морально растаптывать живущего рядом человека, который еще и совершенно согласен, что его следует заслуженно смешивать с дерьмом... А с „нормальным“ так не получится, голубушка... С нормальным – одного только того, что ты сама не пьешь, не куришь, не гуляешь и ходишь на работу, – НЕДОСТАТОЧНО, чтобы постоянно ощущать свое нравственное и прочее превосходство. Отсутствие явных недостатков, дорогуша, это еще далеко не все, чтобы считаться совершенством... Кроме этого, нужно еще иметь хоть какие-то достоинства, с которыми у тебя, к сожалению, не густо».

И вот так, на каждом шагу, на моем лице мелькала многозначительная ухмылка, означающая – все, что мы якобы делаем в жизни хорошего и бескорыстного, мы делаем только для того, чтобы внутренне гордиться этим, гладить по нимбу себя любимого или просто потому, что нам это где-то глубоко внутри – выгодно!

Я потерял всякую способность радоваться.

Недавно «отгремел» пятилетний юбилей нашей семейной жизни, который, кстати, совпал с днем рождения жены. Ка-

кая же может быть радость у того, кто даже в ожидании праздника предвкушает не веселье, а продумывает, какие неприятности можно ожидать на предстоящем торжестве?

Отлично помню, какие мысли крутились в моей голове, когда я в деталях представлял себе грядущий юбилей.

Конечно, конечно, празднество будет незабываемым!

Андрей, как всегда, напьется, начнет флиртовать с женой Виктора, и они устроят пошлейшие разборки на глазах восторженной публики.

Анна Петровна, эта злобедная жаба-щебетунья, будет весь вечер докучать своим хриплым чириканьем на «восхитительные» темы типа «Как у вас хорошо, только, наверное, скучно без детского смеха» и подмигивать отвисшими веками, считая, что тонко намекнула...

Сестрында жены, брезгливо поджав свои и без того тоненькие губенки, будет сверлить меня испепеляющим взглядом, словно она еще чуть-чуть напряжется и я сгорю в адском огне прямо-таки в разгар семейного пиршества. Ее пытливые глазки будут жадно впиваться в каждую проглоченную мной рюмку, как будто она тайно надеется, что я сейчас надерусь как следует, начну танцевать нагишом на столе, совращу публично Анну Петровну, меня вырвет на семейный сервиз, а ее разлюбезная обожаемая сестричка увидит мое истинное лицо, да и бросит меня к всеобщему ликоваанию!

Потом, когда все расплзутся по своим норам, наедине

с горой посуды, оставшейся после задушевного юбилейчика, жена будет злая как... как не знаю кто, и мы обязательно поспоримся – тихо, но крайне неприятно. А помогать ей мыть посуду я ни за что не стану, так как был резко за то, чтобы устраивать торжество в кафе, а не в квартире, но она заартачилась: «Семейное торжество должно проходить дома!». Так вот пусть и мучается сама...

Как она не может понять, что приглашая кого-то в дом, ты как бы приоткрываешь потаенное, как бы пускаешь в свой внутренний мир чужих людей... Вот! Тут пометка – чужих... А у меня не было никого, кого бы я хотел и жаждал пустить в свой внутренний мир и в свой дом.

И как же, воображая кучу раздражающих мелочей, можно чему-либо радоваться? Да никак...

Моя жена прочно выработала во мне рефлекс: от самого приятного я постоянно ждал какого-то подвоха, от своих вроде бы правильных поступков – осуждения, от попыток откровенности – упреков в ответ, от подарков – неудовольствия, от сюрпризов – раздражения, а от всего будущего вообще – какого-то крайне неприятного финала, отягощенного грузом неудовлетворенности впустую пропавшими годами жизни.

* * *

Я вспомнил, как в один из последних дней той, уже прошлой, жизни смотрел на свою жену и испытывал глубокое

отвращение к самому себе за мысли, которые возникали в моем мозгу.

Я смотрел на нее и думал, что у каждой женщины наступает время, когда загар – старит, короткая стрижка свидетельствует о нежелании ухаживать за собой, а слезы говорят не о трепетности натуры, а о приближении необратимых возрастных изменений.

Я не помню, из-за чего мы начали пререкаться, не помню, что именно я сказал такого особенного, чем вызвал ее слезы. Ни с того ни с сего я зачем-то спросил: «Слушай. Ну почему... Почему ты никогда не застилаешь постель сразу после того, как встаешь?». Она мгновенно прекратила плакать и удивленно посмотрела на меня: «Ну... как почему... Я открываю окно в спальне, потому что нужно, чтобы постель немного проветрилась после сна...». И я подумал, ну надо же... Можно прожить вместе пять лет и пять лет злиться на мелкую дурную привычку, которая в сущности такой не являлась... И ни разу не попытаться даже поинтересоваться причинами. Как будто я и не хотел знать причин, её оправдывающих, мне нужно было только одно – иметь поводы для раздражения.

Я занервничал и понял, что мы уже далеко преступили любые грани отношений, которые еще недавно можно было назвать нормальными.

Я физически, всей шкурой чувствовал приближение чего-то тяжелого и неотвратимого впереди, внутри моей голо-

вы происходили какие-то разрушительные изменения, пока не сформулированные мозгом во внятные последовательности мыслей. Во мне начало что-то происходить, или что-то происходить... перестало.

С каждым днем завеса усталого безразличия все плотнее загорживала от меня окружающий мир, или меня – от окружающего мира.

Мир мой, беспощадно загоняющий меня в глухую оборону, был совсем невелик – кошка и жена, немного совершенно формальных родственников, с которыми я не был близок, несколько абсолютно непривлекательных человек на работе и пара друзей, с которыми мы с каждым годом всё реже и реже встречались.

Внешне я прекратил на многое реагировать, перестал нервно добиваться внимания от ближних своих, потерял всякое желание общаться с кем бы то ни было. Более того, общение, состоящее из бездушного обмена шутками и перечислений бессмысленных событий чьей-то совершенно неинтересной мне жизни, стало отчаянно тяготить, и я его тщательно избегал. А когда избежать было невозможно – я просто покорно терпел, внутренне сжимая нервы нормами приличий, страстно ожидая, когда же все это кончится...

Мне не было грустно, мне не было тоскливо, мне не было скучно, все душевное тепло, которое плескалось где-то в глубине души, сконцентрировалось на кошке.

Я с душевным мазохизмом, неустанно причиняя себе

боль, перебирал события прошлого. Прошлого, где была другая жена, другая жизнь и... другой я.

Любовь... Чего я хотел от любви? Чего мне не хватало сейчас такого особенного, что было у меня раньше? Доверия и верности? Глупости. Верность – понятие слишком частное и индивидуальное, оно гораздо шире банального отсутствия физической измены. Я был совершенно убежден, что в данном смысле жена мне верна. Даже не так! Она не мне верна, она верна своим собственным личным убеждениям, что изменять мужу или даже флиртовать с другими мужчинами – это очень неприлично, и если она будет так гадко поступать, то никогда не сможет гордиться собой как образцом женского совершенства и достоинства. Её верность не была основана на любви ко мне, она зиждилась на ее невероятном стремлении быть образцом чистоты и добродетели, царить возвышенно над миром грязных людишек, способных на поступки всякие шибко порочные.

Верность бывает разная!

Причем верность, основанная на неземной любви к объекту воздыхания – самая неустойчивая и мимолетная. Она мгновенно возводится в идеал и так же молниеносно рушится, когда этот объект воздыхания начинает показывать свои неидеальные стороны, которые есть у каждого человека.

Верность, основанная на убеждениях – гораздо крепче.

А еще более крепка та верность, которая возникла на горькой почве осознания прошлых ошибок, воспомина-

ниях о боли, которую ты испытал, раскаиваясь за содеянное. Такая верность – практически несокрушима. Я не сделаю ЭТОГО, потому что уже делал – и хорошо помню, как тяжело расплачиваться потом. Моя верность жене была основана на рвущей душу памяти о том, как я разрушил свою прошлую жизнь и как тяжело, долго и мучительно расплачивался за это. И продолжаю расплачиваться сейчас. Каждой секундой своего как бы успешного, как бы счастливого, как бы существования.

Нарушение верности... Это тонкое и гораздо более сложное понятие. Настоящая измена – это моя опустошающая тяга к прошлому, это мысли о ее короткой прическе и неуместном загаре, о ее слезах, измена – это то, что я постоянно выискиваю малейшие недостатки в ней, как эта чертова незаправленная постель, чтоб хоть как-то оправдать свое... вполне состоявшееся, полноценное душевное предательство по отношению к ней.

Я чувствовал, как мало остается времени на то, что представляла собой наша с ней жизнь. Оставалось совсем немного до того момента, когда не я, а она поставит меня перед конкретным выбором – ведь мы живем вместе уже более пяти лет, и вопрос, так сказать, размножения, неумолимо висит в воздухе. Она не давила, не ставила ультиматумов, не мучила меня истериками, но все было очевидно до прозрачности: вот-вот случится момент, за которым придется принимать решение – либо признать, что вот эта... удушливая недоска-

занная недожизнь будет теперь НАВСЕГДА, либо – расставаться. Да, да, именно этот житейский и банальный вопрос острым лезвием полоснул по моему сознанию, и именно он подспудно всё это время точил мою душу и мозг своей неотвратимостью.

Человека постоянно разрывает между двумя силами – страхом одиночества, с одной стороны, и страхом ограничения свободы – с другой. Я понимал, что нахожусь на распутье. Что же пересилит – страх тотального порабощения моей личности чужими, не нужными мне потребностями, или страх одиночества, которого, к стыду своему, я боялся не менее, чем рабства?

Скоро, совсем скоро, мне предстояло выбирать – либо расстаться, либо согласиться, что всю жизнь я буду рядом с хорошим и правильным, удобным для жизни человеком, но которого не люблю, и который, очевидно, тоже не любит меня, по крайней мере так, как это понималось мною.

В сущности, в этом не было никакого ужаса, миллиарды людей с еще худшими исходными данными живут вместе, растят детей – мы, по крайней мере, уважаем и в достаточной степени ценим друг друга, испытываем что-то вроде душевной привязанности, у нас много общего, мы почти не ссоримся, у нас все, собственно, в норме... Но нет ничего, хоть издали напоминающего то, что я чувствовал когда-то. Нет и в помине того заламывающего сердце ощущения ожога от одного взгляда на любимое лицо, нет безумного

страха потери и непоколебимой уверенности, что твоя жизнь буквально оборвется, если этого человека не будет рядом. И неважно при этом, как он себя ведет и что делает, какие в нем недостатки, и даже то, любит он сам тебя или нет, – все это вторично. Это и есть БЕЗУСЛОВНОСТЬ любви. Когда ты любишь только потому, что это живое существо – есть на свете. И ты безысходно в нем нуждаешься... Когда, засыпая ночью, думаешь о том, что даже сон – это уже разлука, и тихонько шепчешь: «Ты есть. И никто не сможет тебя заменить».

Бывшая жена мне как-то сказала, что любовь в моем понимании – это не любовь, а какая-то собачья преданность.

Да, очень может быть, что такая любовь никого не делает лучше, она не приближает ни к Богу, ни к совершенству! Она не заставляет никого становиться лучше, стремиться ко всяким заоблачным высотам духа, это плохая... неправильная любовь. За такую любовь не идут на подвиги, не посвящают ей стихи, даже не мочат объект своей любви кухонным ножом в состоянии аффекта из чувства ревности. Более того, какая может быть ревность – ну взял человек еще одну собаку в дом, это же не значит, что перестал любить первую? Это абсолютно не страшно, страшно – когда выгоняют на улицу, когда тот, кого любишь, перестает быть рядом с тобой. А все остальное – ерунда.

Она назвала такую любовь унижительной и непривлекательной. Может быть... Нам уже не о чем спорить, предмет

нашего спора давно не существует в реальности, мы уже перешли в разные миры, где каждый ищет жизнь и любовь по себе...

...Любовь, любовь, мы все время твердим про любовь, пока она еще имеет для нас значение. И каждый уверен, что любит, и что именно он любит как-то правильнее и лучше других, и мы спорим, спорим до тех пор, пока спорить становится, собственно говоря, уже не о чем...

«Ты меня не любишь!!! Если бы ты любил, то ты...» – и вал за валом претензий друг к другу, а затем наступает момент, когда уже никто не может остановиться...

Сколько было боли и разрывающих душу ударов в той, навсегда ушедшей в небытие жизни с моей первой женой, но она никогда не будет по-настоящему «бывшей».

Все давным-давно закончилось. Только я почему-то упрямо продолжаю мысленно вести с ней, как с воображаемым собеседником, нескончаемые разговоры, будто все еще пытаюсь что-то доказать, что-то донести, до чего-то достучаться.

Я часто обращаюсь к ней, словно она сидит напротив в своей любимой позе, поджав ноги и подперев кулаками бледное лицо с огромными карими глазами, и слушает меня.

– Прошло столько времени, но я продолжаю и продолжаю говорить с тобой... Мне все время кажется, что если я сумею тебе что-то объяснить, то откроется дверь – и ты появишься на пороге...

Помнишь, когда-то на входе в городское кладбище сидела старуха-нищенка?

Она была такая неопрятная, худая, оборванная, явно была не в ладах с головой, или притворялась таковой, трудно сказать. На ее седых нечесаных волосах был завязан бант как у школьницы, у нее была потертая гармошка и собачка, которая когда-то была болонкой. Собачка была такая же старая и грязная, и на ее голове, между ушей, тоже был завязан замызганный бант. Старуха целыми днями играла на гармошке, что-то напевала своим беззубым ртом, а болонка подвывала в такт музыке и танцевала на задних лапах, по-старчески неуклюже кружась вокруг себя. Когда им что-то подавали, старушка благодарно кивала, не прекращая свое бесконечное пение, а собачка тихо повизгивала, смешно подергивая передними лапами...

Однажды старушка исчезла и не появлялась несколько дней. И как-то утром собачка появилась одна, без своей хозяйки. На своем обычном месте танцевала старая болонка с грязным бантиком на голове... Кружилась и подвывала в такт уже не существующей музыке. Уже одна. Без своей старушки и без гармошки. Одна, на своем месте...

Мы забрали ее к себе, в теплый хороший дом с отличной едой, которой, наверное, она не видала в своей жизни, но через несколько дней собачка тихо умерла ночью. Она лежала, опустив морду на свой сорванный бантик... Наверное, собачка умерла от старости. Конечно же, хорошо, что послед-

ние ее дни прошли в тепле и заботе. Но я абсолютно уверен, что ни теплый дом, ни еда, ни мы с нашим сочувствием были ей совершенно не нужны. Мы не могли заменить ее жизнь в вечном танце под хриплую гармошку, вернуть ее любовь в виде старенькой нищенки, мы вообще ничего не могли ей дать... У нас ничего не было для нее. Кроме миски еды и теплой подстилки. Но еще никому и никогда это не заменило Любовь.

Говоришь, такая любовь унизительна и не благородна? Она не заставляет совершать подвиги и становиться лучше и совершеннее, она не возвышает человека над его земной сущью? Ну-ну... Может быть. Но если у меня, у меня лично будет выбор – как бы я хотел, чтоб меня любили, и как бы я хотел любить сам?

Возвышенно и поэтически, с именем на устах улетая к неведомым мирам и бесконечным вселенным, постигая извечные истины и совершенствуя свой дух? Или так, тихо и преданно, как эта собачка с бантиком свою маленькую, но единственную и не заменимую Вселенную – одинокую старушку с гармошкой... Как ты думаешь, что бы я выбрал?

Кем бы я хотел быть? Чьей-то недосыгаемой звездой на ледяном небосклоне, к которой стремятся и на которую пытаются равнять свой унылый дух, или... нищенкой, но рядом с которой есть беззаветно любящая живая душа... Пусть даже и... собачья.

Странно, как странно выкручивает нам руки жизнь, выво-

рачивая наизнанку то, что еще недавно казалось совершенно незыблемым! Вроде бы я отчаянно любил свою первую жену, но на самом деле оказалось, что именно отсутствие любви с моей стороны или ее недостаток разломили пополам наши отношения! Я сейчас понимаю, как я безусловно нуждался в ней, но для этого мне нужно было потерять, приобрести новое, оценить и прочувствовать это новое долгими годами жизни, многое отстрадать. А тогда... Тогда я не понимал ничего. Как существо, никогда не испытывающее жажды в любви, я не мог оценить то, что у меня было, мне это казалось естественным. Любовь не была для меня какой-то ценностью. Меня любят? Конечно, а как может быть иначе! Меня любили родители, даже чрезмерно, до раздражения моего, затем меня всегда любили девушки и я никогда, честное слово, ни разу не был никем брошен или отвергнут, никогда не страдал от неразделенной любви. И поэтому любовь моей первой жены казалась мне совершенно естественным природным фактором – есть воздух, мы им дышим, есть вода – мы ее пьем, есть любовь – нас любят. А как может быть иначе?

И только значительно позже мне довелось узнать, что **ИНАЧЕ – БЫВАЕТ!!!**

И то, что было между нами – это величайший дар, который дается даже не каждому человеку в его жизни, уж не говоря о том, что он может кому-то достаться дважды...

Соответственно, мы расстались, расстались очень плохо,

причиной была моя измена, которую, представьте себе, мне даже простили, но я сам уже не смог спокойно жить, чувствуя себя таким уродом рядом с ней, что это мне затмило глаза и разум. Я ушел от нее. Сейчас я сравниваю свой поступок с тем случаем, когда человек, основательно захлавив своё жилище, не убирая там годами, вдруг увидел, в какой мерзости он живет... И вместо того, чтобы сделать уборку и отремонтировать его как следует, сжигает своё жилище и отправляется в новенькое и чистенькое... Вот так и именно так выглядела моя жизнь! Спалив старое, собственноручно загаженное жильё и поменяв его на чистенькое, я не разумел, что и новое скоро станет точно таким, если не хуже – вселяясь в новое, я не приобрел привычки делать периодическую уборку, а продолжал вести себя по-прежнему, захламляя и поганя жилище моих новых отношений. В новом «доме» было немного чище, так как я стал старше и мудрее, и поэтому захламлял пространство не так активно. Но вот хуже... хуже, чем прежде, мне было именно потому, что старое сожженное жилище было хотя бы ЛЮБИМЫМ, а новое – нет! Потому и небольшая, по сравнению с прошлым, грязь выглядела крайне убого и отвратительно, вызываясь заметно и невыносимо.

Разводясь со своей первой женой, я не понял ничего! Я уходил от нее легко, даже не подозревая о том, какие мучительные годы осознания и раскаяния ожидают меня впереди. Я не подозревал о том, что любовь не есть нечто само собой

разумеющееся, которое существует всегда, как восход солнца или смена времен года.

Если бы я хотя бы на мгновение мог увидеть тогда, во что превратится моя жизнь и во что превращусь я сам, – я ни за что бы не сделал того глупого и безвозвратного шага, который навсегда сломал мою жизнь пополам.

Граница между светом и тенью. Один шаг...

И глупый, легкомысленный, но добродушный, бесконечно доверяющий всему миру открытый парень, которым был я, начинает долгий путь преображения. Парень, даже не способный помыслить о том, что кто-то, кого ты посвящаешь в свои секреты, вдруг может обернуть их против тебя. Не подозревающий, что его могут не уважать и не любить до трепета, не знающий почти до сорока лет, что в реальности существуют люди, которые, пересекая порог твоего дома, потом начинают рассказывать о виденных там беспорядках... И такой не от мира сего человек превращается в стареющего параноика, который с опустошающим подозрением готовится к приходу гостей и не доверяет по-настоящему ни единственному существу, кроме собственной кошки...

Кошка, крохотная живая душонка, якорь мой, прочно приковала меня к жизни. Каждый взгляд на этот серый комочек пуха вызывает тепло в моем сердце, и я понимаю, что все еще жив... Раз в моей душе осталось немножко любви, ну хотя бы к животному – значит, не все еще потеряно. Не все еще кончено со мной, и, может быть, еще будет впереди...

что-то хорошее. Вот она лежит на спинке, поджав лапочки к толстому животику, и умильно смотрит на меня, прямо как ангелочек с фрески... Полчеловечества бы расхохоталось, узнав, какие чувства взрослый сорокалетний мужик испытывает к этому живому кусочку меха с глазами.

Но и тут всё было не так просто. Я всегда нормально относился к животным, хотя и не испытывал к ним такой уж горячей любви и особой восторженности, но никакое живое существо, кроме людей, я не обижал никогда. И вот однажды у меня появилась эта самая кошка.

Я её не заводил специально.

Она просто пришла. Я понятия не имею, какова была её предыдущая жизнь, но по ней было видно, что это домашнее, глубоко залюбленное животное, вдруг попавшее в беду, к которой совершенно не было готово. Может, она потерялась, может, хозяева ее скончались, может, что-то еще подобное.

Это была необычно холодная для наших мест зима, стояли крепкие морозы и повсюду лежал глубокий снег. Кошка появилась возле двора, и я обратил на неё внимание, особенно на её глаза. Они были преисполнены раздирающего ужаса, растерянности и какого-то безумия... Она не кричала, просто издали смотрела на меня пронзительно и жалобно, да беззвучно открывала свою крохотную пастишку. Она была пушистая и красивая, но шкура уже начала сваливаться в комки, худоба бросалась в глаза. Ее сумасшедшие глаза говорили, что она просто не понимает, что произошло

в этой Вселенной и как перевернулись планеты, отчего миска не полна еды, как обычно, почему ее не ласкают, не расчесывают, почему страшный голод разрывает внутренности, а холод сковывает лапки, ходившие до этого в основном по пуховым подушкам... Что-то остро резануло меня по сердцу, но, конечно же, я прошел мимо! Сколько этих кошек ходит вокруг нас...

Я прошел несколько кварталов, но мысли продолжали мучить меня. Я вдруг жестко проассоциировал эту кошку со своим собственным внутренним состоянием... Я наглядно увидел все то, что происходило со мной – это не кошка, это моя душа сейчас сидела на морозе, умирая от голода и жажды и отчаянно не понимая, НУ КАК, КАК МОЖЕТ ТАКОЕ БЫТЬ, что тебя никто больше не любит??? Как могло случиться – что твоя миска не то что пуста, она просто отсутствует в принципе, и что скоро пойдет снег и наступит ночь, которую, скорее всего, пережить не получится...

Я вернулся, я изловил эту кошку, хотя она в ужасе бросилась бежать. Я чуть не сломал ногу, спотыкаясь о куски металлолома, я загнал её за гаражи, умудрился схватить и тащил её к дому, спрятав под куртку, где она орала страшным глухим басом, будто ее волокли на казнь... Мне было и радостно, и горько. Как мне тогда хотелось, чтоб меня, меня самого кто-то так же поймал насильно и спас от холода и одиночества в лютые морозные дни моего отчаяния.

Но мне не повезло так, как кошке... Никто не проник-

ся моей бедой, потому что понять чужое страдание мы способны только тогда, когда перекладываем его на свое собственное. Если бы я не сопоставил голод замерзающего животного с голодом собственной замерзающей души, я бы... просто прошел мимо. Я-то и прошел мимо, но... я вернулся за ней! Я бы переступил через эту крохотную трагедию всего лишь животного, не заметив её, как когда-то переступил через собственную жену. Я даже не осознавал, насколько тяжелый удар нанес ей. Почему? Потому что я до этого сам никогда не чувствовал боли, я не знал, какова она на вкус. Я ничего в этом не понимал. Но сейчас я уже был совсем другим человеком. Тем, кто отведал боли, узнал ее силу, и поэтому стал способным понимать и остро чувствовать боль чужую.

А вскоре я поймал себя на том, что как-то не совсем хорошо начал относиться к собакам, более того, я стал их побаиваться. В этом не было ничего необъяснимого. Собака – ассоциируется с другом, потеряв доверие к друзьям, вообще доверие к кому-либо, я стал бояться собак, потому что стал бояться людей. И еще. Мне всегда говорили, что избыточная привязанность к животным появляется у людей одиноких, разочарованных в отношениях, и тому подобное. Раньше я категорически это отрицал. А теперь, наблюдая себя, с замиранием сердца разглядывающего нежащуюся на коврике кошку, я с грустной усмешкой отметил— да, да, что тут отрицать... Это именно так. Запас любви постоянен в душе каждого человека. И если человек этот никому из дру-

гих людей не нужен, запас любви все равно должен быть растрачен, иначе однажды это чувство достигнет критической массы и прогремит взрыв, который разнесет душу в клочья. Этот запас необходимо на кого-нибудь тратить. Ну хотя бы на кошку...

Как же парадоксально и странно складывалась моя история!

Как же такое может быть, что я, изменявший напропалую своей первой жене, но не знающий о том, что существуют люди, обсуждающие за твоей спиной беспорядок в квартире, был чище и добрее, ЛУЧШЕ, чем тот я, который хранит супружескую верность второй жене, но присматривается подло к морщинкам на ее лице и внимательно выискивает в ней малейшие недостатки?

Как же может быть, что тот разгульный гулена, сломавший и растоптавший жизнь своей первой жены и свою собственную, в сущности, был лучше нынешнего сорокалетнего унылого обывателя, все душевное тепло и любовь растрачивающего на домашнее животное и утонувшего почти навсегда в равнодушии и недоверчивости к людям?

Что же получается – счастливый грешник лучше, чем праведник, пребывающий в унынии?

Что же получается – когда я делал плохое, но не понимал этого, я был чище и ближе к чему-то, что называют небесами, чем сейчас, когда не грешу в поступках, но мысли мои преисполнены такой мерзости, от которой мне самому тошно.

Хотя, причем тут небеса...

Мне не справиться с небесами, мне бы справиться с собственным душевным разладом и внутренними демонами. А мои демоны твердили, не уставая – смирись!!! Смирись!!! Живи той жизнью, что ты выбрал. Ври дальше. Притворяйся. Делай то, что от тебя ждут. Никуда не рвись и не пытайся что-либо менять! Смирись ради самого себя, потому что, если ты останешься один – мы тебя сожрем!!! Сожрем так, что ты и не ахнешь! Тебе будет так больно и страшно, как никогда еще не было... Демоны кружились в моих мыслях и шептали: страх неволи не так ужасен, как страх одиночества.

Но я точно знал – если я им уступлю, не будет счастья.

НИКОМУ.

Демоны моих внутренних противоречий были сильны, что тут скажешь... Но у меня было одно заветное оружие против них – моя тотальная недоверчивость, мое трепетно взлелеянное чувство протеста. Твердят, что мне будет больно и страшно? Ну что ж... Пусть предъявят доказательства. Такому как я, даже для того, чтобы признать существование любви, были нужны доказательства.

Хотя бы – в виде кошки.

Я не буду их слушать. Далеко не факт, что одиночество будет страшнее, чем эта убогая жизнь с чувством постоянно растущего омертвения души.

У меня много методов заткнуть их зубастые пасти.

Например – найти еще один недостаток в моей жене и убедиться в невозможности совместного проживания. Или – вспомнить любой обжигающий сердце момент, связанный с моей первой женой. В крайнем случае – всегда можно пойти выпить, чтобы отложить решение проблемы еще на какое-то возможное время.

Я не помню, чем закончились мои размышления, я заснул. Утром я проснулся с ощущением глубокого похмелья, хотя ничего не пил накануне.

Жена спала, я приготовил на завтрак бутерброд с маслом и стакан крепкого черного чая с сахаром. Меня бесило то, что моя жена постоянно заботливо пичкала меня здоровыми завтраками. Каша, блинчики... Старалась, а меня это бесило, я тупо любил ломоть черного хлеба с маслом и, может, кусок колбасы на завтрак. И когда в выходные она позволяла себе поспать подольше, я вставал и с аппетитом ел то, что мне надо. А так... она обычно просыпалась раньше меня и готовила эти здоровые вкусные завтраки, которые я люто ненавидел. Но никогда от них не отказывался – как же можно отказаться от еще одного повода для раздражения по отношению к ней?

Я съел свой хлеб с маслом, одел джинсы с ветровкой и... пошел на городскую барахолку, блошинный рынок. Просто побродить, посмотреть на старые вещи, купить пару предметов отчаянного баракла, которое моя жена потом определенно выкинет втайне от меня. Старые алюминиевые подста-

канники, древние как кости динозавра радиоприемники, тем не менее исправно работающие, тарелки советские, из которых даже есть особенно приятно – они хранили таинство спокойного уюта и забытого благоденствия. В общем, я пошел на барахолку.

И когда я, меланхолично бормоча какой-то навязчивый мотивчик, вышел из дому во двор, то понял – настоящие мои страдания еще только впереди. Увиденное оглушило и парализовало мой разум до такой степени, что я по инерции продолжил свое движение, не останавливаясь, вышел на улицу и остановился только в середине следующего квартала. «Боже, – подумал я, – только не это. И только не сейчас!».

Причиной такой разрушительной реакции была следующая картина – по соседскому двору задорно бегала здоровая черная псина, то ли питбуль, то ли стаф, я не знаток тонкостей собачьих пород... Но я точно понимал – моей относительно спокойной жизни пришел полный конец. Сосед завел собаку, и не просто собаку, а именно такую собаку, которая рано или поздно убьет мою кошку. Я упоминал, что начал слегка недолюбливать собак, и даже с опаской их сторониться, но вот именно этих... Этим я боялся до паники! Ужас, смешанный с отвращением, пронизывал меня до слабости в ногах, когда я смотрел на их бессмысленные абсолютно мертвые глаза и морды, напоминающие маски африканских злых духов.

Причина подобной фобии лежала своими корнями глубо-

ко в прошлом, в середине девяностых годов, когда один мой приятель, веселый и компанейский парень, за бешеные деньги приобрел подобное животное, редкость, новинку, предмет зависти и любопытства. Мы часто ходили друг другу в гости, много общались, и я тоже, не скрою, испытывал восторг перед таким удивительным «предметом роскоши», каким являлась эта заморская псина. Почему я назвал собаку «предметом роскоши»? А потому, что это совершенно точное обозначение того, чем являлся этот здоровый дурной пес для меня, всей нашей компании и собственного хозяина. Крутая тачка под задницей, тощие двухметровые девки вокруг, что там еще было круто? И ну да... такие вот дорогушие псины на поводке... А еще лучше без поводка.

Скоро мой восторг улетучился полностью. А произошло это потому, что однажды вечером я пришел к приятелю в гости на пиво и увидел... как «предмет роскоши» ужинает живыми щенками, которых со смехом кидали ему **МОИ ХОРОШИЕ ДРУЗЬЯ**, чтоб он догнал, разорвал и **СОЖРАЛ** несчастных.

Я не собираюсь в подробностях описывать данную сцену и драть нервишки кровавыми деталями, это не относится к делу. Меня тогда не заметили в пылу кровавой забавы, я просто повернулся и ушел. Мы выросли вместе, и объединяло нас мало что, кроме общего веселого времяпровождения. Да, конечно, после этого я ни с кем из них не общался. Пса этого через некоторое время сильно разодрали на собачьих

боях, куда его выставлял «заботливый» хозяин, он заболел и мучительно издох.

В общем, кроме глубочайшего отвращения к данному типу псов, я не должен был получить ничего. Но, не все было так просто. Долгое время после этого инцидента меня глода-ла мучительная червоточина в душе. Красавец! Я гордо уда-лился, развернулся и не стал участвовать в кровавом развле-чении!!! Молодец!

Но почему же я не помешал, не попытался убедить их в том, что они поступают жестоко и отвратительно?! Если бы они не послушались, я бы запросто отобрал у них силой мешок с живыми щенками! Почему, почему я этого не сделал? Ведь это были не посторонние парни, а старые приятели, и, скорее всего, они бы уступили моему натиску, не драться же они стали бы со мной, в самом-то деле? Нет, конечно. Вы-смеяли бы обидно, мы бы поссорились, ну, может, поора-ли друг на друга полчаса. Но я ничего не предпринял, я просто удалился... Не сделав и попытки вступить с ними в беседу. Я даже не попытался что-то объяснить и, может быть, что-то поправить в их мозгах. Вероятно, мне бы уда-лось спасти не только тех несчастных щенков, но и самого пса, которого не потащили бы биться насмерть с другими та-кими же зверюгами. Не исключено, что я бы помог в чем-то и самим этим парням, притормозив в той точке, где «свер-нувшую не туда» душу и психику еще можно направить вер-ной дорогой. Они же не были ни жестокими садистами, ни

моральными уродами, просто... эмоционально неразвитые, не совсем понимающие, что такое хорошо, что такое плохо, молодые люди...

Скорее всего, сейчас я не сомневаюсь в этом, у любого из них эта сцена с щенками вызывала неприятие, но каждый боялся показаться «бабой» перед друзьями. И если бы я вмешался – они бы все почувствовали глубокое облегчение, свалили бы на меня вину за сорванный ужин милейшей собачки, покричали бы, обложили бы меня унижительными насмешками, да и мирно бы разошлись пить пиво.

Почему же я ничего не сделал в тот момент? Наверное, ярко сыграла моя внутренняя сущность, предпочитающая отстраниться от гадости, нежели эту гадость исправлять тем или иным способом. Я осуждаю и молча отхожу в сторону. Затем долго и мучительно рефлексирую, размышляя о том, как должно было поступить, но в следующий раз поступаю точно так же! Как будто этот душевный мазохизм является моей основой – постоянно делать не то и не так, чтоб за тем иметь возможность долго ковыряться в душевных ранах, изводить себя чувством вины и запоздалым раскаянием...

А может, просто-напросто, та ситуация не преисполнила чашу моего терпения, когда ты тупо хватаешь дубину в руки и идешь крошить все вокруг, невзирая на последствия. Я малодушно отвернулся и с содроганием ушел.

И вот с тех самых пор даже вид этих собак вызывал во мне чувство слабости, подавленности, унижительного

страха. А эта заведенная соседом псина была даже такого же цвета – черная с маленьким белым пятном на груди в виде звездочки. Прямо-таки призрак из прошлого.

На фоне всех испытываемых мною последнее время нервных перегрузок и жесточайшего уныния это событие ударило меня с такой силой, что я потерял свою способность мыслить длинными логическими цепочками и только какие-то ужасные картины уродливыми пятнами всплывали в мозгу. Я буквально видел свою кошку в пасти этой твари... Я уже чувствовал те сокрушительные отчаяние и боль, что испытаю, потеряв последнее живое существо, которое люблю и которое столько времени являлось для меня якорем на этом свете, единственной живой зацепочкой в жизни, единственной радостью и спасением. Для меня это было даже не борьбой за кошку, это было борьбой за собственное существование!!! Я прекрасно понимал, в какую пучину черного безумия я опущусь, случись что...

Я не знал, что делать... Кошку нельзя удержать в четырех стенах, кошку нельзя запереть в клетке. Даже если устроить дома все предосторожности, рано или поздно произойдет какой-то сбой, который закончится трагически. Дворик моего соседа кошка воспринимала как свою вотчину и постоянно там валялась на солнышке, как у себя дома...

Боже мой!!!

Стукнула под дых меня следующая простая мысль!!! Что же я, идиот, делаю??? Куда я поперся, уже, может, прямо

сейчас, а не в отдаленном будущем, моя жена, проснувшись, откроет дверь, кошка выскочит наружу и все будет кончено.

Я бежал домой с такой скоростью, с которой не бегал, наверное, с детства.

Соседа не было, собаки тоже не было, дверь в доме была благополучно закрыта.

Наверное, если бы у меня была судьба умереть от сердечного приступа, это могло бы случиться именно в ту минуту. Я сел прямо на порог, выкурил сигареты три подряд и решил убить эту собаку.

У меня нет времени на какие-то меры, я бессилён сделать что-либо иное – по закону мой сосед имеет такое же право заводить эту псину, как и я свою кошку. Нет таких законов, запрещающих держать крупных собак в своих домах и дворах. Нет никаких законов, защищающих меня в эту минуту, значит, я впервые должен реально и физически защищаться сам.

* * *

Начались дни какого-то исступленного фундаментального ада, которые совершенно отвлекли меня от размышлений о своей убогой жизненной ситуации. Кошка была заперта в задней комнате, где отчаянно орала и пыталась вырваться на волю. Я уже нашел во всезнающих сетях интернета все необходимые способы убийства соседского животного. Но я постоянно находил какие-то поводы не привести свое

решение к развязке, оттягивая его и понимая одновременно, что времени на отсрочки уже не оставалось. Жена смотрела на меня полными ужаса глазами, закономерно думая, что я окончательно свихнулся и неизвестно зачем запер в комнате орущую кошку.

Я понимал, что мой грядущий поступок бескрайне отвратителен. Я прекрасно понимал, что ни эта новая соседская собака, ни та, жвавшая щенков и издохшая от ран, полученных на ринге – ни в чем не виноваты! И те растерзанные щенки, и тот зловещий пес – в совершенно равной степени жертвы человеческой жестокости, человеческих дурных амбиций и бездумного бессердечия. Но как поступить мне – пожалеть безразличную мне чужую собаку или подвергать смертельной опасности собственную любимую кошку? Это была тяжелейшая душевная дилемма, которую мне когда-либо приходилось вот так конкретно решать. Убить ли чужого, тебе не нужного, чтобы спасти своего любимого? И не в момент, когда этот чужой и ненужный летит в атаку, а вот так превентивно и расчетливо? Решение мое было определенным: конечно, я буду спасать того, кто дорог... Но мне так сильно не хотелось делать ту вещь, которая составляла суть данного спасения!

Видимо, эти терзания настолько отражались на моем перекошенном лице, что моя жена не выдержала и вдруг подошла, села напротив, подперла кулаком подбородок и твердым, чуть осипшим голосом сказала:

– Я знаю, что ты собираешься сделать! Ты хочешь отравить нового соседского пса. Не делай этого ни в коем случае!

Я с удивлением посмотрел на нее, потому что не делился с ней ни мыслями, ни решениями, как, впрочем, и по любому другому поводу.

Она сказала еще громче и еще уверенней:

– Если ты заплатишь такой ценой за жизнь своей кошки, ты все равно ее потеряешь тем или иным способом! Это факт, в который я непреложно верю! Молчи и не перебивай меня! Мне плевать на собаку, мне плевать на твою кошку, но совершив то, что ты хочешь совершить – ты добьешься только чего-то еще более плохого. Ты окончательно сломаешь себя и разрушишь нашу и без того покосившуюся жизнь. Я не позволю тебе сделать эту ошибку. Если хочешь, мы немедленно переедем на съемную квартиру, продадим дом и купим новый, я согласна на любые безумные вещи, чтобы помочь тебе... И себе. Я готова на всё!!! Только не трогай эту проклятую собаку...

Она посмотрела на меня прямо, ясно и с такой леденящей кости внутренней энергией, которой я никогда не замечал в ней и не ожидал от неё...

Сказать, что я был ошеломлен, это не сказать ничего. Я был... парализован не меньше, чем когда увидел пса в соседском дворе. Ничего себе... Никогда и ни от кого я не слышал, что пойдут на всё, чтобы мне помочь. Она все прекрасно понимала, не высмеивала меня, пришла на помощь в са-

мую главную минуту и помогла мне принять одно из важнейших решений, которое я никак не мог принять в одиночку. Наши отношения что-то значили для нее, и я, видимо, что-то значил, и это было для меня... откровением.

Я что-то пробормотал, похлопал ее по колену и увидел, что во двор вышел сосед с дымящейся кружкой кофе, а за ним выскочил пес.

Я встал и пошел.

Поприветствовал, спросил что-то незначительное и, как бы вскользь, поинтересовался – что это за псина у него появилась такая... большая... такая... страшная. Сосед улыбнулся и объяснил. Что псина не его, и никакая она не страшная, хотя действительно большая. Это собака его десятилетнего племянника, он тяжело и давно болеет, собака – его единственная радость и единственный друг. Племяшку родители повезли куда-то на лечение, вот и взял псину погостить. А завтра вечером благополучно отвозит ее обратно. Потом сосед, сквозь шум в моей окончательно поплывшей голове, рассказал, что эта неделя была сущим адом для него, он постоянно психовал, что псина может сбежать на поиски своего хозяина-пацана и пропадет, а малец просто не переживет такого варианта. А еще он понял, что никогда не заведет себе собаку – все-таки столько хлопот, выгуливать надо, ботинки его новые разгрызла, на ковер столько луж наделала, что его выбрасывать только... Так что – ни за что! Никаких собак. Если заведет кого, то только кошку... А еще

лучше – хомячка.

Я не думаю, что к сказанному выше стоит что-либо добавлять, та буря эмоций, которую я испытал, вообще трудно передается словами... Я чуть не грохнул собаку маленького больного мальчика, находящегося на лечении... А ведь ситуация не стоила выеденного яйца. МНЕ СТОИЛО ВСЕГО ЛИШЬ СРАЗУ ПОДОЙТИ К СОСЕДУ И ПОГОВОРИТЬ!!!

ПОГОВОРИТЬ – и столько ужасных моментов не произошло бы. Вот она, моя проклятая сущность! Добрая половина моих внутренних раздраев от того, что когда надо просто поговорить с человеком и разрешить возникшие проблемы, я молчу, замыкаюсь в себе и накручиваю какие-то чудовищные лабиринты событий и последствий... Проживаю внутри себя драмы, когда можно просто – ВЗЯТЬ и ПОГОВОРИТЬ.

Сосед с явным удовольствием допивал кофе, соседская псина, добродушно скалясь, задрала ногу на колесо его машины, моя жена стояла в доме у окна и вся светилась радостью, как будто бы точь-в-точь и дословно слышала весь только что произошедший разговор...

И казалось, полмира улыбалось мне в эту минуту... И была в этом какая-то высшая, неземная и так долго разыскиваемая мной – БЕЗУСЛОВНОСТЬ.

Несовместимость

И как только на мгновение моя жизнь озарилась хоть ка-

ким-то светом, оказалось, что возник он только для того, чтобы я смог увидеть, какая долгая и беспросветная тьма ожидает меня впереди...

Будто бы в темном туннеле, после бесконечных попыток зажечь отсыревшие спички, вдруг вспыхивает одна, последняя. Ты с тревогой всматриваешься вдаль и видишь – идти еще очень долго... И огонек гаснет. Снова оставляя тебя во мраке и уже без всякой надежды, даже... на последнюю спичку, на секундный огонек.

Буквально на следующий день мы поссорились с женой. Причем на этот раз все было совершенно не похоже на наши прошлые сцепки, которые заканчивались угрюмым примирением и затяжным тяжелым молчанием, приводящим к усталой стабильности. Мы поссорились по-настоящему!

Конфликт начался практически на пустом месте. После инцидента с соседской собакой наши отношения с женой существенно потеплели, и мы оба находились в приподнятом настроении и какой-то беспечной кокетливой веселости. Жена появилась дома в обед в приподнятом настроении, ярко подкрашенная, в нарядном зеленом платье, которое не надевала давным-давно.

Мы обедали, обменивались какими-то словами, а потом она сказала:

– Слушай, ты же сегодня выходной? Сделай небольшую услугу, хорошо?

– Конечно, – ответил я – А что нужно?

– Да ничего особенного, сходи в зоомагазин, купи морскую свинку, главное, вот точно такую как эта, – она показала фотографию на телефоне, – их там полно, я звонила в магазин.

Я крайне удивился.

– Я схожу, нет вопросов... Только зачем тебе морская свинка???

– Да... – она махнула рукой – Ерунда! Танька мелкая играла со своей свинкой и случайно ее придушила. Там дикая истерика, Лена сказала Танечке, что отнесет свинку в больницу и доктор ее вылечит, – жена усмехнулась. – Теперь моя задача купить такую же свинку, ее отдадут Танечке и ребенок будет счастлив...

Лена была сестрой моей жены, а Танечка – соответственно малолетняя племянница, четырех лет.

Несколько секунд я молчал.

– Что такое? – спросила жена, явно почувствовав мое напряжение.

– Вы в своем, вообще, уме со своей Еленой?

– Ты о чем?!!!

– О чем? О свинье. О морской. Вы соображаете, что вы делаете? Ребенок причинил смерть живому существу. Очевидно, что без злого умысла. А вы теперь даёте ей понять, это ерунда, все можно исправить, отнести доктору свинку и добрый Айболит вылечит ее трупик??? Вы безрассудные бабы и калечите девочку! Вместо того, чтобы дать нужный

жизненный урок – вы потакаете собственным сопливым понятиям о доброте, типа доброте! Она и следующую свинку придушит, доктор же вылечит! А потом еще одну и, может, даже не случайно!

– Да ты что, больной!!! Это же маленький ребенок, который плачет, страдает!

– Она и должна страдать и понимать, что есть ЖИВОЕ и НЕЖИВОЕ, и живое невосвратно, и с ним надо обращаться иначе, чем с неживым!!! Вы ей психику калечите, курицы вы неразумные...

Наверняка не стоит в точности передавать наш разговор. Эта мелочь – дохлая морская свинка, четырехлетняя племяшка – вдруг снова вытащила на свет такие мощные разности в наших взглядах на мир, такую НЕСОВМЕСТИМОСТЬ, которая понесла нас в пропасть без оглядки.

Мне было сказано, что я совершенно правильно не хочу иметь детей, потому что я жестокий бессердечный урод, которому и надо состариться да помереть в одиночестве, как старой деве с кошками.

А она получила в ответ, что это я не желаю иметь детей с человеком, с которым у нас такие разные взгляды на мир! Как она представляет себе воспитание этих самых детей, когда родители будут впихивать им в головы совершенно разные картины мира, взаимоисключающие друг друга? Мы на данный момент с ней не можем договориться ни по одному вопросу, а что будет потом? Пусть она применит ситуа-

цию со свинкой к нашему воображаемому ребенку. Красиво получается, красиво? Мама тащит из магазина новую «игрушку», которую доктор починил, а папа в это время тычет ребенку чуть ли не в лицо трупиком убиенного животного и говорит: «СМОТРИ, смотри, что ты сделала, и запомни это навсегда!!!».

Думаю, даже не стоит продолжать описание нашей ссоры. Все сказанное затем было настолько жестоко, настолько болезненно, что мы оба почувствовали – даже находиться в одном пространстве вдвоем для нас физически невыносимо. Как будто лопнула какая-то последняя струна, и мы оба рухнули в бездонную, глобальную **НЕСОВМЕСТИМОСТЬ**, которая назревала давно, а вылилась в полной мере только сейчас.

Она собрала вещи первой необходимости и ушла к сестре. Я, соответственно, изрядно принял на грудь, долго звонил ей по телефону, мы дополнительно выплеснули друг на друга потоки взаимных претензий, потом я вдохновенно позвонил ее сестре и обозвал ее... Нехорошо, в общем, обозвал. Кроме всего прочего, я объяснил ей в подробностях, почему от нее в панике сбежал муж, едва их дитю исполнился годик. И почему ни один мужчина в здравом рассудке не пожелает жить с такой унылой ханжеской мумией, обремененной манией величия. Я довел ее до истерики и с удовлетворением повесил трубку. Мудрая и заботливая старшая сестрица моей жены, эдакая... сестра-полутеща, всегда вызыва-

ла во мне самые глубинные и потаенные желания. Например, вылить тарелку супа на ее надменную физиономию за обедом или подставить подножку, когда она идет мимо, и с упоением наблюдать, как это самодовольное величественное изваяние рухнет мордой об пол и хоть на мгновение приобретет человеческие черты...

Мое поведение еще более усугубило ссору с женой, оно ее как бы зафиксировало и увенчало. Я точно знал, что сестрица сейчас присядет на уши моей жене и будет страстно убеждать ее в том, что с таким низким мерзавцем, как я, ни одна нормальная женщина жить не должна. И что моя женушка достойна большего, и что она напрасно расходует на меня драгоценное время, которое надо потратить по поиску достойного спутника жизни. Короче говоря, всю ту женско-мудрую труху, которую высыпают в мозг сестрицы-подружки, не устроившие собственной личной жизни, своим замужним сестрицам-подружкам, находящимся в ссоре с законным супругом.

Ну и хорошо! Отлично! Все правильно, эта затянувшаяся агония наших отношений с женой все равно должна была когда-нибудь закончиться.

Удовлетворенный разговором с сестрой законной супруги, я не придумал ничего лучшего, как набрать номер моей бывшей жены. Видимо, пьяный кураж настолько способствовал полету моего тела, что у нее не только не изменился

номер, но она даже подняла трубку, хотя у меня тоже не изменился номер, и она знала, кто ей звонит.

И более того.

Услышав мой не совсем трезвый голос, трубку она не бросила.

Да! Она всегда была ЧЕЛОВЕКОМ, а не дурной курицей, и прекрасно понимает, что если я, нетрезвый, позвонил ей через столько лет, это что-то значит. Она всегда была особенной, и сейчас, когда нужна мне, не отказала в помощи!!! Более того, она согласилась со мной встретиться. В тот же вечер. Через час!!! Можно ли представить более... более... невероятного человека? Не послать меня куда подальше, а согласиться встретиться! Да... Она была, наверное, единственным живым существом, кроме моей кошки, который любил меня по-настоящему...

И вот в тот самый вечер мы встретились.

Если бы я немного протрезвел, я бы ни за что и никогда не осмелился пойти на эту встречу. Я бы придумал кучу причин, я бы ногу под трамвай, как говорится, засунул, только чтобы не пойти. Но какой-то странный рок с дьявольской силой вел меня вперед. В холодильнике оказалась еще одна баночка пива, которая не позволила мне достаточно остыть, чтобы принимать правильные решения, я сказал себе: «А будь что будет, гори все огнем...». И пошел.

Я понятия даже не имел, зачем мне нужна эта встреча и что я ей скажу. Я просто позвонил спяну и предложил

встретиться, а она... не отказала. А в холодильнике оказалась эта самая баночка пива, которая не дала мне одуматься.

И я неизбежно продолжил следовать путем, мне уготованным...

Мне до боли в сердце тяжело вспоминать о дальнейшем, но я вспоминаю и рассказываю, как будто беспощадным скальпелем памяти вскрываю труп моего прошлого, чтобы явно увидеть все – и причины болезни, и саму болезнь, и разрушения, ею нанесенные в итоге. Увидеть, ужаснуться и никогда больше не заболеть... Ну, по крайней мере, именно этой болезнью...

То ли прохладный ветерок привел мою дурную башку в более здравый рассудок, то ли еще что, но по пути к парку, где ждала моя бывшая жена, меня начали глодать адские сомнения, стыд и страх.

После тяжелого развода, после стольких лет расставания она увидит меня нетрезвого, помятого, но это еще полбеды. Главное то, что я даже отдаленно не представлял, что я буду ей говорить и как объяснить, по какой такой причине я вызвал ее в парк, на ночь глядя??? Я ведь вообще не собирался ей звонить. Одно дело – постоянные мучительные воспоминания о том, какая у нас распрекрасная была жизнь, а совсем другое – личная встреча! Она-то, эта встреча, ну совершенно была мне не нужна! Тихо страдать в своей норе, всхлипывая о лучезарных моментах прошлого – это одно, а встретиться с живым воплощением своих страданий – абсолютно другое!

Что я ей скажу – правду?

Понимаешь, милая, я сегодня поспорился со своей супругой, нахамил ее сестре и был так пьян, что непонятная муха ужалила меня и заставила набрать твой номер? А ты оказалась такой неисчерпаемой сострадательной дурой, что подняла трубку, и более того – согласилась со мной встретиться, очевидно зная, что я пьян в дымину? А теперь я понятия не имею, зачем я пришел, и отпусти меня побыстрее смыть свой стыд еще парой баночек пива?

Вот такую правду мне ей сейчас выложить?

Или рассказать о тех душевных страданиях, которые я испытывал, глубоко каясь за свое предательство, сказать, что бесконечно любил и люблю ее? Отличное решение, просто отличное! Хорошо, если она благополучно замужем, бывшая моя, и всплакнув, скажет, что великодушно прощает меня и будет хранить в своем сердце только самые теплые моменты нашей совместной жизни. И мы по-братски обнимемся и расстанемся.

А если – НЕТ???

А если у нее в жизни тоже полный раздрай, и она скажет, что любила и ждала меня все эти годы, и вот сейчас настал момент, когда мы можем исправить все совершенные ошибки... Если – так? Что же мне тогда делать? ДА ВЕДЬ Я НИКОГДА НЕ СОБИРАЛСЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ К НЕЙ!!!

В страшном сне – не собирался!

Меня устраивало постоянно думать о ней, сравнивать

с ней свою нынешнюю супругу не в пользу последней, я хотел страдать, мучиться, изводить себя благородными терзаниями – НА РАССТОЯНИИ, но... На самом деле, ни за что, ни за какие пряники я бы не согласился вновь окунуться в ту... такую «распрекрасную жизнь»!!!

Я привык быть «сытым домашним котом», которого нелюбимая, но абсолютно преданная женщина вкусно и сытно кормила, содержала в заботе и неге, вила вокруг уютное теплое гнездышко, почти ничем не напрягала особо, всегда приходила на помощь и все свои силы бросала на соблюдение моих интересов в ущерб своим.

На самом деле, я ни за что бы не согласился в реальности возвращаться туда... обратно. Туда, где наша бесспорно бурно влюбленная, эмоционально брызжущая искрами «прекрасная жизнь» проходила на бутербродах с кофе, где в доме был постоянный «караван-сарай» из бесконечных дружков-подружек. Туда, где днем и ночью толклись какие-то непонятные автостопщики с немытыми рожами, придурковатые гитаристы, которые выли ночами свои гениальные произведения, а заткнуть их можно было разве только прямым попаданием танкового снаряда, и прочий веселенький сброд... И не это даже важно!!!

Любая жизнь человеческая имеет хорошие и плохие моменты. Да, те, ушедшие, мгновения термоядерного накала чувств, на грани разрыва сердца – они были потрясающе яркими! Они ослепляли разум взрывом новой звезды, но, от-

кровенно говоря, взрыв звезды случался не так уж и часто, а плохого было куда больше. Просто молниеносные, оглушительные вспышки этого «ХОРОШЕГО» затмевали любые неурядицы в нашей жизни. Но одно лишь «ХОРОШЕЕ» – это не есть настоящая жизнь, которая является крутым замесом всех моментов, как прекрасных, так и не очень, как страсти, так и обид, как светлого единения душ, так и периодов черной разрозненности. Именно это и есть – реальность. А реальность наша... вовсе не была столь уж лучезарна.

На углу возле парка стоял ларек, я зашел туда, купил бутылку водки и отпил прямо из горла существенный такой глоток. Умом я себе объяснил подобный дикий поступок так – это для храбрости, чтобы не слишком нервничать при грядущей встрече с бывшей. И еще один глоток побольше – чтобы чувствовать себя на подъеме и быть раскованным и интересным, и еще один – ... черт его знает, зачем.

Но, подсознательно, я купил эту бутылку водки и жадно пил из горла только с одной настоящей целью – я хотел резко опьянеть и каким угодно способом не пойти на встречу с моей горячо любимой бывшей женой.

Так как обычно я много не пил, плюс был сильно голоден, плюс длительное нервное напряжение, в котором я находился – все это вместе быстро сделало свое дело...

Но все получилось еще хуже, чем я даже мог предполагать. Совершенно полуживой, я все-таки потащился в парк, где сидела моя бывшая жена, и подошел к ней, что-то несвяз-

но лепеча, кажется, даже полез обниматься... Я почти ничего не помню и, наверное, слава Богу, так как воспоминания об этой картине просто бы убили меня. Она в слезах убежала.

Я набрал номер одного своего знакомого, ведущего довольно разгульный образ жизни, и потому чудесно понявшего ситуацию, и попросил забрать меня, пока это не сделала полиция. Жил он недалеко, поэтому подъехал быстро. К глубокому сожалению, патруль не подобрал меня и не отвез куда следует, что было бы чрезвычайно необходимо, так как спасло бы мою дурную башку от разрушительных последствий этого вечера. Но... Видимо все, что произошло дальше, было моей неотвратимой жизненной линией.

«Добрый» знакомец «спас» меня от полиции и поволок гулять дальше... Знакомец этот был страшно доволен встрече, как всегда довольны разгульные люди, лицезрея кого-то еще в таком же состоянии. Мы рванули в ближайший кабак, там пили еще, потом... я не помню точно, что было потом. Вероятно, мы поехали на такси к нему домой, где я долго спал как убитый, затем, едва продравши глаза, был в совершенно разбитом состоянии, и мне кто-то по доброму протянул рюмку водки для поправки, потом пришли какие-то барышни, которые не дали мне уйти, потом...

Потом наступил день пятый, когда я проснулся на даче у какого-то другого моего знакомого, далеко за городом, и понял, что... **НАСТУПИЛ ДЕНЬ ПЯТЫЙ.**

И это был конец...

Двери и окна в моей квартире были заперты наглухо, жена ушла от меня, никто не мог войти внутрь. Как и выйти... Я не оставил, уходя, своей кошке ни еды... ни, что самое страшное, воды... Ни крошки еды, ни капли воды. И найти она не могла ничего, кроме пустых баночек из-под пива, которые я бросил на столе... Никто из соседей не мог прийти ей на помощь, потому что в окнах стояли стеклопакеты, которые идеально изолировали шум, плюс соседский двор был достаточно далеко... Без еды еще – может быть... может хоть как-то, но без воды... **ОДНА!!!** Умирая от ужаса и одиночества, от голода и жажды, одна оказалась моя «любимая кошечка», совершенно бездушно обреченная на смерть своим безумно обожающим ее хозяином...

Не страшная черная собака, не многочисленные с ужасом воображаемые мной ситуации стали причиной ее несчастья – а я сам... Так много рассуждающий о любви и верности, но предавший ее самым низким и подлым способом, который только существует на свете... Я с легкостью забыл о ней, погрузившись в угарный ад собственных душевных переживаний, лечения этих бессмысленных драм дозами алкоголя, я... предал ее, как, собственно, предавал всех, кто окружал меня всю мою жизнь...

Без еды кошка может прожить долго, а вот без воды – максимум четыре дня. Но сегодня был... **ДЕНЬ ПЯТЫЙ!!!** И хуже всего – это был вечер пятого дня.

А я был неизвестно где за городом, у меня не было ни копейки в кармане, даже кошелька с карточками не было, вся компания беспробудно спала – а если бы и не спала, никто бы не смог довезти меня до города... Телефон был разряжен, я даже не мог вызвать такси...

Вечерний ледяной ветер с дождем бил меня по щекам с такой силой, что, казалось, он отпускал мне хлесткую пощечину за пощечиной, когда я, дрожа, стоял на трассе, тщетно пытаюсь остановить хоть какую-то попутку.

Но никто не останавливался, чтобы подвезти какого-то небритого шатающегося мужика со включенными волосами и безумными глазами.

Я решил идти по направлению к городу, даже пытался бежать, я споткнулся и упал, и слезы полились по лицу, беспомощные и страшные...

Я так и лежал на обочине и плакал... Навзрыд.

Кто-то похлопал меня по плечу, это был какой-то седой мужчина пожилых лет, он довез меня до дома.

Я подходил к двери, и меня трясло от ужаса перед тем, что мне придется увидеть сейчас, когда я открою дверь...

Но судьба почему-то всегда снисходительна к негодьям...

На пороге меня встретила моя кошка, живая и здоровая. Каким-то охрипшим, диким голосом она закричала, то ли тоски, то ли радости... Я схватил ее на руки, начал целовать прямо в морду, не понимая, что за чудо произошло... Банок, брошенных мной на столе, не было, в кошачьей кормушке

была еда, а в мисочке чистая водичка... В доме было абсолютно тихо.

Да, это было чудо... И это чудо называлось моей нелюбимой женой. Видимо, она звонила, телефон был отключен, она заволновалась и пришла сюда. И кормила мою кошку, пока я был в своем упадническом загуле...

Горечь, жесточайшая горечь захлестнула мне горло...

Если и была у меня с кем **НЕСОВМЕСТИМОСТЬ**, так это только с самим собой... Мой зашкаливающий эгоизм, мои душевные пляски мазохиста вокруг какой-то несуществующей душевной проблемы были для меня важнее всего, важнее реальной женщины, живущей со мной, важнее... живого существа, которое я чуть не погубил собственными руками.

Да даже свою горячо любимую кошку – и то я не был способен любить по-настоящему!!!

Петь душевные дифирамбы, заниматься возвышенной риторикой о любви к животным, защищать кошечку от воображаемых врагов, это да... Это с удовольствием, это мы можем... А в тот момент, когда мне потребовалось залить собственное **ДУРНОЕ ЭГО, РАНЕННОЕ** водкой, я просто забыл о ней, выкинул вон из сердца и сознания, как неживую игрушку... А ведь она и была для меня... игрушкой, а не живым существом, игрушкой, на которой я старательно отрабатывал роль **ЛЮБЯЩЕГО СЕРДЦА**.

Кошка нежно и бурно ластилась ко мне, как-то истерично мурчала, терлась мордочкой о мою небритую щеку и светя-

щимися от восторга глазами заглядывала в мои мутные покрасневшие глаза предателя.

В своей безусловной любви она не могла обидеться на меня, животные не способны разлюбить человека, что бы он не совершил по отношению к ним... Бросил, обрек на мучительную смерть... Вернулся, а кошачьи преданные глаза увидели меня и сразу наполнились счастьем, любовью, даже не подозревая о том, что можно разлюбить, не простить, отплатить той же монетой.

Я четко понимал – если бы она сейчас умирала от голода и жажды, замурованная в запертой квартире, за мгновение перед смертью увидев меня, ее глаза засияли бы точно такой беззаветной любовью и преданностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.